

ОБ АВТОРЕ

Ли Бардуго — автор романов «Девятый дом» и «Одержимый» (бестселлеров по версии New York Times и Sunday Times) и создательница вселенной гришей, в которую входят трилогия «Тень и кость» (экранизирована Netflix), диалогия «Шестерка воронов», диалогия «Король шрамов» и множество других историй. Рассказы Ли Бардуго были опубликованы в нескольких сборниках, включая «Лучшую американскую научную фантастику и фэнтези». Ли живет в Лос-Анджелесе, она — член-корреспондент Колледжа Поли Мюррей Йельского университета.

ОТЗЫВЫ О РОМАНАХ ЛИ БАРДУГО

«„Фамильяр“ — роскошно выписанная, замысловатая история о магии и интригах, которая разворачивается на фоне Золотого века Испании. Персонажи Бардуго, как всегда, *привлекательны и сложны*, и читателей ждет открытие: с таким же талантом писательница запечатлевает и исторический антураж. Роман заворочил меня от и до; это маст-рид для тех, кто хочет привнести в жизнь щепотку магии».

**Дебора Харкнесс,
автор цикла «Открытие ведьм»**

«Это одновременно элегантный и гротескный, потусторонний и приземленный роман... *Ироничный, необыкновенный, ни на что не похожий* и более всего прочего захватывающий, пугающий триллер».

Washington Post

«*Не история, а водоворот...* „Девятый дом“ так увлекателен благодаря Алекс. Как и все мы, она с трудом верит в происходящее, так же невинна, скептически и свирепа. В ней есть мягкость и жесткость, она уязвима и в то же время могущественна».

NPR

«*Пронзительная и невероятно человечная*, эта книга согреет ваше сердце и проберет до костей... „Одержимый“ — один из лучших фэнтези-романов года».

BookPage

«Крепкий сюжет, зачастую пугающая магия, роскошно выписанные сцены и едкий юмор — от этой части цикла невозможно оторваться так же, как и от первой. *Читатели бугут в восторге*».

Publishers Weekly

«Бардуго не чурается мрачных *сторон магии и человеческой натуры*».

Booklist

«Этот роман — *яркий, умный и смешной* в самые нужные моменты, но лучшая его часть — сложные персонажи».

Kirkus Reviews

«„Одержимый“ — *крепкая, сложно устроенная, головокружительная история, полная многогранных монстров, самодовольных академиков и аферистов любого калибра*».

Book of the Month

«*Никогда не читала ничего подобного*».

Вероника Рот

*Моей семье —
конверсо, изгнанникам
и призракам*

ГЛАВА I

Если бы хлеб в тот день не пригорел, это была бы совсем другая история. Если бы сын кухарки не вернулся домой за полночь, если бы сама кухарка, прознав, что он ошивается у той дамы-драматурга, не лежала в постели без сна, волнуясь о сыновней бессмертной душе и оплакивая грядущую участь своих еще не рожденных внуков, если бы она не была так измотана и невнимательна, то хлеб не пригорел бы и последующие бедствия обрушились бы на какую-нибудь другую семью, а не на дом Ордоньо, — на семью, чей дом не стоит на улице Лос Сантос.

Если бы тем самым утром дон Мариус наклонился и чмокнул жену в щеку, прежде чем заняться своими делами, эта история сложилась бы куда благоприятнее. Если бы он назвал донью Валентину «моя дражайшая», «моя голубка», «моя красавица», если бы похвалил ее бирюзовые серьги или букет, который она поставила в коридоре, если бы дон Мариус не отнесся к жене с равнодушием, потому что ему не терпелось отправиться в конюшни Эрнана Саравии разглядывать лошадей, которые были ему не по карману, тогда, возможно, у доньи Валентины не нашлось бы повода спуститься в кухню, и все последующие трагедии утекли бы в сточную канаву и по ней сбежали в море. Тогда никого не ждали бы страдания — ну, разве что из-за миски невкусных мидий.

Донью Валентину вырастили черствые, обделенные душевным теплом родители, которые не испытывали к дочери особых чувств, кроме смутного разочарования ее заурядной внешностью и сомнений, что она удачно выйдет замуж. Так оно и случилось. У доня Мариуса Ордоньо во владении имелись тающий капитал, земли с оливковой рощей, которая отказывалась плодоносить, и ладный, однако скромный дом в довольно приличном районе Мадрида. На лучшее Валентина с ее непримечательным приданым и еще менее примечательным лицом и надеяться не могла. Что же до Мариуса, для него этот союз оказался не первым — его прежняя жена, рыжеволосая богатая наследница, всего через пару дней после свадьбы угодила под карету, которая задавила несчастную насмерть, и супругу ее не досталось ни детей, ни гроша из состояния ее родителей.

В день свадьбы донья Валентина надела фату из золотистого кружева и украсила волосы гребнями слоновой кости. Дон Мариус, взглянув на их отражения в мутноватом зеркале у стены в гостиной его дома, испытал неожиданный прилив вожделения, вызвала кой не то надежда в глазах его избранницы, не то собственный вид сеньора Ордоньо в свадебном облачении. Впрочем, скорее всего, дело было в пьяной вишне, которую он ел все утро, набивая рот и медленно пережевывая ягоды в попытках избежать беседы со своим новоявленным тестем. Ночью же, в приступе страсти, дон Мариус навалился на молодую жену и принялся шептать ей на ухо стихи, однако ему удалось совершить всего пару неловких толчков, а потом на него напало головокружение, и он исторг из себя полупережеванную пьяную вишню прямо на брачное ложе — на постельное белье, которое Валентина собственными руками вышивала несколько месяцев кряду.

В последующие годы Валентина вспоминала ту ночь едва ли не с ностальгией, поскольку пылкость Мариуса, подпитанная пьяной вишней, оказалась единственным его проявлением страсти и вообще какого-либо интереса к Валентине за всю их совместную жизнь. И пусть Валентина, по сути, лишь перебралась из одного дома без любви в другой такой же, это вовсе не значило, что она не чувствовала себя обделенной любовью. Донья Валентина не знала, как подобающе описать томление, которое испытывала, и как его умерить, поэтому днями напролет изводила немногочисленную прислугу придирками и жила в состоянии непреходящей неудовлетворенности.

Вот почему в то утро она спустилась в кухню — и не один раз, а два.

Когда выяснилось, что сын кухарки увлечен дамой-драматургом Китерией Эскарсегой, его мать стала сама не своя, поэтому донья Валентина навевалась вниз каждое утро. В тот день, спускаясь по лестнице, она ощутила жар, уловила запах пригоревшего хлеба, который ни с чем не спутаешь, и чуть ли не затрепетала от радости — нашелся существенный повод поругаться.

Но в кухне никого не было.

Валентина ждала, потея рядом с пышущим очагом, внутри нее закипал гнев, в голове складывалась длинная отповедь о расточительности, небрежности и дурном нраве кухарки. Но сверху донесся стук в дверь, и Валентина подумала, наверное, кто-то пришел к ее мужу поговорить насчет оливок. А может, им принесли приглашение — маловероятно, но одной лишь надежды на это оказалось достаточно, чтобы Валентина сдвинулась с места. Кроме нее встречать гостей в доме Ордоньо было некому. Муж ясно дал понять: денег нанять больше слуг у них нет, пусть скажет спасибо, что есть кухарка и судомойка, которые помогают ей

по дому. Валентине оставалось лишь умерить ярость и протопать обратно наверх, утирая рукавом вспотевшее лицо.

Спускаясь в кухню во второй раз с непрочитанным письмом от отца в рукаве, она услышала, как кухарка плачется на что-то нескладной коренастой девчонке-судомойке, которая воняла сыростью и вечно таскалась по дому, не поднимая взгляда от своих неуклюжих ног.

— Агуэда! — рявкнула Валентина, ворвавшись в кухню; ее голос прямо-таки звенел праведным гневом: — Изволь объяснить — по-твоему, допустимо в очередной раз сжигать хлеб, пуская по ветру состояние моего мужа и мое время?

Кухарка тупо посмотрела на нее опухшими от слез красными глазами — ох уж этот сын-дурень, — а затем перевела взгляд на стол посреди кухни, где в черной посудине дожидался хлеб.

Не успела Валентина посмотреть туда же, как ее бросило в жар — вероятность испытать унижение окатила словно внезапно налетевшая гроза. Хлеб — золотистая подушечка на чугунной кровати — был безупречен: пышный, с глянцевитой поджаристой корочкой, ничуть не опавший и не пригоревший.

Донье Валентине захотелось повертеть в руках хлеб, потыкать в него пальцем, объявить фальшивкой. Она уже видела этот самый каравай каких-то пару минут назад — пригоревший и испорченный, с растрескавшейся коркой от того, что его передержали в печи. И Валентина знала, *знала*, что это тот же самый хлеб, а не какой-то другой, испеченный ему на замену, потому что и чугунная посуда была та же — со слегка погнутым уголком.

Это невозможно. Она же отошла всего на несколько минут. *Они разыгрывают меня*, подумала Валентина, *глупая кухарка и девчонка-идиотка хотят обдурить*

меня, жгут, когда я раскричусь и выставлю себя посмешищем. Ну уж нет, не дождутся.

— Хлеб у тебя уже пригорал, — небрежно бросила Валентина, — и я уверена, пригорит еще не раз. Будь любезна, подай нам обед без опозданий.

— Дон Мариус явится домой отобедать, сеньора?

Валентине захотелось отвесить пощечину кухарке с ее наглым лицом.

— Сомневаюсь, — весело ответила она. — Но ко мне в гости придут подруги. Что ты приготовишь?

— Свинину, сеньора. Как вы и просили.

— Нет, — поправила кухарку Валентина. — Я просила перепелку. Свинина — это, конечно, на завтра.

Кухарка вновь уставилась на госпожу своими глазами-угольками.

— Хорошо, сеньора.

Валентина прекрасно знала, что просила свинину. Она всегда планировала обеды и ужины на неделю вперед. Но кухарке нужно было напомнить, что это дом Валентины и она не позволит над собой насмеяться.

Донья Валентина ушла, и Лусия принялась ошпыливать перепелку, слушая ворчание кухарки, которая, гремя посудой, перекладывала из котелка рагу из свинины. Брюзжала она знатно, хотя рагу прекрасно сохранилось бы и до завтрашнего обеда. Настроение Агуэды, и без того паршивое, еще больше испортили придирки доньи Валентины. Лусию это, скорее, радовало. Терпеть сердитую Агуэду было проще, чем хандрящую.

И все же недовольство доньи Валентины пропитывало все вокруг, и каждый раз, когда та заходила в кухню, Лусия опасалась, что от желчности госпожи скиснет молоко или испортятся овощи. Тетя Лусии давно предостерегала ее от людей, которые носят всюду свои

горести словно тучу; как-то даже рассказала ей историю брошенной любовником Марты де Сан-Карлос — та гуляла по пышным садам Алькасара¹ и плакала, да так долго и горько, что к ней присоединились птицы. С тех пор на протяжении многих лет всякого, кто посещал сады и слышал там птичье пение, охватывала печаль. Так, по крайней мере, сказала тетя Лусии.

Увидев пригоревший хлеб, Лусия не задумываясь провела над ним рукой и пропела слова, которым научила ее тетя: *Aboltar kazal, aboltar mazal*². «Что сменит вид, то сменит участь». Пропела очень тихо. Слова эти были не совсем испанские, как и сама Лусия — тоже не совсем испанка. Но донья Валентина ни за что не взяла бы ее работать в этом доме — даже в темной, душной кухне без окон, — заметь она хоть намек на еврейское происхождение.

Лусия знала, что нужно вести себя осмотрительно, но трудно было не пойти легким путем, когда все вокруг сулило одни лишь тяготы. Спала она в погребке на полу, на подстилке, сшитой ею из тряпья, с мешком муки вместо подушки. Поднималась до рассвета и вы-

---

¹ Королевский Алькасар в Мадриде — здание, в котором долгое время находилась резиденция испанских монархов. Сгорело в 1734 году, на его месте сейчас располагается Паласио Реаль де Мадрид. Первоначально Алькасар был возведен как мусульманская крепость в IX веке; в XVI веке стал использоваться в качестве королевского дворца.

² Здесь и далее: напевы Лусии приведены на сефардском языке (он же ладино) — языке евреев-сефардов, некогда проживавших на Пиренейском полуострове. Сефардский язык является фактически продолжением ранне-еврейско-кастильского диалекта, включившего в себя носителей и черты остальных еврейских иберо-романских диалектов. Начало образования этой разновидности испанского языка связано с изгнанием из Испании в 1492 году евреев, расселившихся главным образом на территории Османской империи, в Северной Африке, затем в Португалии, Италии, Греции, Болгарии, Румынии, Палестине и др.

ходила в холодный проулок облеγχиться, затем возвращалась в дом и разводила огонь в очаге, после чего отправлялась на площадь Аррабаль принести воды из фонтана, где встречалась с другими судомойками, прачками и домохозяйками, обменивалась с ними приветствиями, а потом, наполнив ведра и пристроив их на плечах, шла обратно на улицу Лос Сантос. Вернувшись, Лусия ставила воду на огонь, выбирала жучков из крупы и замешивала тесто для хлеба, если у Агуэды еще не дошли до того руки.

Ходить на рынок было обязанностью кухарки, но с тех пор, как ее сын пал под чарами блистательной дамы-драматурга, этим занималась Лусия: с мешочком монет в кармане она блуждала между лотками, выискивая баранину, головки чеснока и лесные орехи по дешевле. Торговалась она плохо, поэтому иногда по дороге домой, оказавшись на безлюдной улочке, легонько встряхивала корзинку, напевала *Onde iras, amigos toraras* — «куда ни пойдешь, везде друзей найдешь», — и пять яиц превращались в десяток.

Мать Лусии, когда еще была жива, говаривала, что дочь слишком многого хочет, и объясняла это тем, что родила ее в день смерти третьей жены короля. Узнав, что королева скончалась, придворные бросались на стены дворца, и их рыдания разносились по всему городу. Оплакивать мертвых негоже; считалось, что это препятствует чуду воскресения. Но смерть королевы была иным случаем. Город хотел отгоревать ее кончину, и погребальная процессия королевы могла сравниться в зрелищности разве что с процессией в честь ее пасынка Карлоса, усопшего чуть раньше в том же году. Первые крики новорожденной Лусии смешались с воплями мадридцев, скорбящих по своей королеве. «Это сбило тебя с толку, — говорила Лусии Бланка. — Ты решила, что они взывают к тебе, и стала слишком тщеславной».

Как-то раз, несмотря на предостережения тети, Лусия попробовала напеть тот же мотив про друзей над монетами. Мешочек радостно звякнул, но, когда Лусия сунула в него руку, ее кто-то укусил. Из мешочка выскочили и разбежались в стороны двенадцать медных пауков. Лусии пришлось спеть над сыром, капустой и миндалем, чтобы возместить потерянные деньги, но Агуэда, увидев жалкое содержимое корзинки, все равно назвала ее бесполезной дурой. Вот до чего доводит тщеславие.

Тетя Хуалит лишь посмеялась, когда Лусия рассказала ей о произошедшем. «Если мы могли обогатиться с помощью магии, твоя мать умерла бы во дворце, лозящемся от книг, а мне не пришлось бы отдаваться кому ни попадя, чтобы поселиться в этом красивом доме. Радуйся, что отделалась лишь паучьим укусом», — сказала тогда Хуалит.

Тетя учила ее словам по письмам из дальних заморских стран, но мелодии всегда происходили из разума Лусии. Они просто всплывали у нее в голове, приятно вибрируя нотами на языке, когда сахара требовалось вдвое больше, а денег на него не имелось, когда нужно было разжечь огонь, а все угольки потухли, когда хлеб пригорал так, что становился несъедобным. Эти крошечные уловки помогали избегать мелких оплошностей, делали долгие рабочие дни чуть более сносными.

Лусия никак не могла знать, что донья Валентина уже побывала тем утром в кухне, что она уже видела пригоревший хлеб в той самой посудине. Лусия обладала необычными талантами, но проницательность к ним не относилась. Судомойку не посещали видения, она не впадала в экстазы. Не умела видеть очертания будущего в рассыпанной соли. А если бы умела, то не притронулась бы к тому хлебу — куда легче было бы стерпеть ярость доньи Валентины, чем пожинать опасные плоды стремления за собственной выгодой.

ГЛАВА 2

Камеристки у Валентины не было, поэтому помогать ей разоблачаться перед сном приходилось судомойке — а еще тушить свечи, протирать окна и плотно закрывать их на ночь, приносить и ставить под кровати ночные вазы. Обычно Валентине удавалось не замечать девчонку. Работала та сносно, выглядела подобающе невзрачно в своем льняном и шерстяном тряпье — в общем, оказалась не из тех, кто привлекает внимание. Валентина наняла ее отчасти по этой самой причине, но, если уж честно, особого выбора у нее не было. Высокого жалованья она предложить не могла, да и трудиться надлежало засучив рукава — прислуги в доме не хватало.

Но сегодня вечером, когда девчонка распустила ей сзади платье и принялась смахивать с подола пыль, Валентина спросила:

— Как тебя зовут?

Она точно знала имя судомойки, но позабыла, поскольку редко обращалась к девчонке.

— Лусия, сеньора, — не поднимая глаз, ответила та.

— У тебя есть кавалер?

Лусия покачала головой:

— Нет, сеньора.

— Жаль.

Валентина ожидала, что девчонка в ответ пробормочет что-то вроде «да, сеньора». Но Лусия, убрав платье в сундук, сказала:

— В жизни женщины случаются вещи и похуже одиночества.

В родительском доме я была куда счастливее. Эта мысль неожиданно всплыла у Валентины в уме — внезапная, захлестывающая горечь. Но, конечно, нет ничего позорнее, чем незамужняя дочь, — нет ничего бесполезнее, чем женщина, у которой ни супруга, ни детей. *Интересно, счастлива ли эта девчонка,* подумала Валентина — и вопрос чуть не сорвался у нее с языка. Она стиснула зубы, проглотила слова. Какая разница, счастлива ли прислуга, покуда выполняет свои обязанности?

— Вы с кухаркой вздумали поиздеваться надо мной сегодня, так ведь?

— Нет, сеньора.

— Я знаю, что видела, Лусия.

Вот теперь-то девчонка посмотрела на нее, и Валентина испуганно отметила, что глаза у нее насыщенно-карие, почти черные.

— Что вы видели, сеньора? — спросила судомойка — ее темные зрачки походили на блестящие речные гольши.

Валентине стало не себе при мысли о том, что никого кроме них в этой комнате нет, от тишины в доме, от собственной хрупкости. Ей показалось, будто она открыла шкаф и обнаружила там волка.

— Ничего, — выдавила Валентина, устыдившись собственного дрогнувшего голоса. — Я ничего не видела. — Она встала, прошлась по комнате и, удалившись на некоторое расстояние от судомойки, ощутила, как к ней возвращается самообладание. — Очень дерзко ты смотришь.

— Простите, сеньора, — сказала Лусия и вновь потупилась.

— Иди, — сказала Валентина и махнула девчонке, надеясь, что жест вышел небрежным.

Но после того, как Лусия вышла из комнаты, заперла дверь на засов.

Лусии не спалось всю ночь, и на следующий она день решила не рисковать. Дождалась, пока вода закипит сама, и не пропела ни словечка, чтобы ускорить дело. Натаскала дров для очага, не издав ни звука, дабы облегчить себе ношу. Она вообще едва дышала, пока не вышла на улицу и не заспешила к церкви Сан Хинес. С тех пор как случилась та история с хлебом, донья Валентина не сводила с нее взгляда. О магии она не догадывалась, думала, что Лусия с кухаркой решили над ней подшутить.

Но проследить за Лусией на улице она не могла. Для женщины ее положения было недопустимо выходить из дома без сопровождения мужа, отца или священника. До Лусии долетали слухи о богатых дамах, которые ломали кости, выпадая из окон собственных жилищ, а одна из них даже погибла — высунулась слишком далеко в попытках рассмотреть хоть что-нибудь новое на горизонте. В моменты усталости или когда тянуло спину, Лусия, бывало, развлекалась, вопрошая сама себя: предпочла бы она днями напролет вышивать, сидя на мягкой подушке, но видеть мир лишь в пределах оконной створки? Или лучше еще разок прогуляться к колодцу? С пустыми ведрами выбор был очевиден. С полными — уже нет.

Отходя от дома, Лусия чувствовала затылком взгляд доньи Валентины, наблюдавшей за ней в окно верхнего этажа, но решила не оборачиваться и споро, как могла, зашагала в сторону Сан Хинес — ноги сами несли ее по знакомым пыльным переулкам.